

Я резко проснулся, услышав щелчок закрывшейся двери. Открыл глаза и первое, что заметил, была мужская рука, лежащая поперёк моей груди. Глеб... Странно, но действие афродизиака никак не сказалось на моей памяти. Никаких, твою мать, провалов. Я всё помнил. Запустив пальцы в спутанные светлые волосы, тихо выдохнул. Наворотил дел. И нечего списывать на неизвестный препарат, коли сам хотел. Хотел ведь. Действительно хотел. Нужно признать, что я всё же как мог пытался остановить наше общее сумасшествие. Правда, безрезультатно. Хотя почему? Такую ночь я вряд ли когда забуду и, наверное, никогда в жизни не повторю. Не потому, что не захочу. Просто в моём мире нет магии. Без неё здесь явно не обошлось. Я отчётливо чувствовал тот водоворот энергии, что плясала вокруг нас в диком танце.

Осторожно выбравшись из хватки спящего Глеба, я, тихо ступая, направился в ванную комнату. Прихватил по пути полотенце и верх от больничной пижамы. По привычке. Мама ещё с детства приучила за собой убираться и наличие в моём доме помощницы эту привычку не отменило. Забросил полотенце в корзину для стирки и с удовольствием принял душ. Тело, как ни странно, совершенно не болело. Наоборот, я чувствовал небывалый прилив сил и бодрость наполняла каждую клеточку. Вероятно, это был эффект тела одарённого. У себя дома я после таких трюков в постели, день бы отлёживался. Ухмыльнувшись, вспомнил свой первый раз в роли пассива. Не слишком понравилось тогда. Партнёр попался не очень хороший, больше думал о собственном удовольствии, чем о моём комфорте. Так бывает.

Закончив водные процедуры, я надел пижаму и, всё ещё стараясь не разбудить Глеба, осторожно открыл дверь. И вздрогнул от испуга. За дверью, сложив руки на груди и прислонившись к стене, стоял тот самый Палыч. Он окинул меня внимательным, сверлящим таким взглядом и кивнул в сторону выхода из палаты. Я вопросительно поднял бровь, не собираясь без объяснений сломя голову куда-либо ломиться.

– Вы что... натворили? – Палыч процедил сквозь зубы едва слышно. Я возмущённо фыркнул и тут же прикрыл рот ладонью. Потом указал пальцем на остатки сока в графине. Теперь Палыч уже непонимающе уставился на меня.

– В соке афродизиак. Медсестра вчера ночью притащила, незадолго до прихода Глеба. Это... не совсем наше решение, – скороговоркой тихо ответил я, слегка лукавая.

– Час от часу не легче, – вздохнул мужчина и быстро, но совершенно бесшумно, направился к тумбочке. Глеб даже ухом не повёл. Кажется, он основательно вырубился после бурной ночи.

Палыч забрал графин, зашёл в ванную, перелил куда-то жидкость, а графин с остатками поставил на место. Видимо, не хотел спугнуть того, кто сделал очередную гадость Стасу. Я покачал головой, наблюдая за действиями Палыча. Что вообще происходит в последнее время? Интересно, случившееся этой ночью как-то относится к тому, что стряслось с парнем ранее? Каким только боком-то?

– Там за дверью Катерина Генриховна. Она в бешенстве. Тебе лучше не сопротивляться, – Палыч оглянулся на спящего Глеба. А вот и причина такой сверхосторожности. Младшая княгиня очень хочет разборки устроить, но при этом привлекать наследника не желает. Вот же стервь. Не зря Стас её терпеть не может. – Она тебя, скорее всего, в карцер отправит до приезда князя со старшей женой. Не волнуйся, Пётр сделает анализ сока, а я подстрахую. Сам знаешь, князь честен и справедлив, горячку в делах не порет. Да и поздно уже что-либо менять. Привязка уже есть. Её разрывать себе дороже будет.

– Что?

– Иди, – развернул меня Палыч и аккуратно подтолкнул к двери. А я не мог понять, о чём он вообще сказал. Какая привязка? Мы же просто переспали с Глебом. – И помалкивай. Что бы она не сделала. Князь сам разберётся. К вечеру дома уже будут с Варварой Николаевной.

– Не обещаю, – медленно выдохнув, как перед прыжком с моста на тарзанке, тихо ответил я.

– Вот же, – хмыкнул сзади Палыч, открывая дверь палаты.

А в коридоре меня ждала фурия, которая первым делом дала мне оглушительную пощёчину, чего я совсем не ожидал. Когда перед глазами перестали мелькать звёзды, почувствовал на плече тяжёлую руку Палыча, который сдержал мой рывок. Позади белокурой средних лет женщины стоял явно слегка шокированный Пётр Андреевич. Он кашлянул и сказал, обращаясь к дамочке:

– Катерина Генриховна, мальчик только что встал на ноги. Сдержите, пожалуйста, немного свой гнев. Он...

– Всю ночь весьма резво кувыркнулся в постели с наследником рода. Шлюха безродная, – почти выплюнул слова с режущим уши акцентом младшая жена главы рода. А воспитание-то страдает. Ну, я ответил:

– А вы так осведомлены о том, что было ночью? Свечку держали, Катерина Генриховна?

– Дрянь, – пролаяла австрийка, собравшись вlepить мне ещё одну щедрую пощёчину, да я не дал. Перехватил ручонку-то и чуть наклонился, глядя в голубые льдины глаз блондинки.

– Не знаете часом, кто мне сок прислал? Такой интересный состав у него...

– В карцер его! Немедленно!

Катерина Генриховна, хитрая стерва, громко орать не стала. Троица дуболомов, что стояла рядом, сразу же проявила активность. Двое быстро заломили мне руки за спину и потащили прочь из медблока. Сопротивляться и наживать себе лишних неприятностей не стал. Пока не стал.

Оказалось, идти нам было недалеко. Метров сорок в сторонку, где был высокий каменный забор с арочным входом. Небольшое здание с решётками на окнах сохранилось с давних времён, но было в отличном состоянии. Из воспоминаний Стаса я понял, что это что-то вроде гауптвахты для всех провинившихся. Парочку раз даже они с Глебом сюда попадали. А вот в самом низу были камеры для арестантов, шпионов и так далее. Подвальные, холодные и с соответствующим комфортом. Туда абы кого не сажали, впрочем, как и не устраивали экскурсий всем подряд, кого разбирало любопытством. Так что Стас там никогда не был, что радовало. А расположение сего местечка неплохо продумано. Подальше от жилой площади и поближе к больничке, чтобы если что, доктор успел подлечить кого надо. А заодно где-то тут рядом ещё и казарма воинов рода имелась. То есть, ещё и охрана под боком.

Когда мы прошли под аркой меня освободили из цепкой хватки. В принципе, я был в порядке, только по дороге под босые ноги несколько мелких камешков попали. Тапочки-то мои в палате остались. Палыч, видимо, не обратил внимание, что босиком меня в коридор вытолкнул. Так что у меня только стопы неприятно покалывало.

– Катерина Генриховна разошлась на славу, – хмыкнул один из конвоиров за моей спиной. Роба неприятная, взгляд скользкий. Да и сам он угря напоминает, а я этих тварей терпеть не

могу.

– Это да, – заржал второй и вдруг толкнул меня в плечо. – Шлюха безродная! Ха-ха... Наконец, пустили тебя, стервец мелкий. А то ходил тут с высоко поднятой головой. Да кто ты такой? Барская «батарея» без рода племени!

– Помолчите лучше, – сердито произнёс самый старший из них, если судить по форме и нашивкам. Он окинул меня внимательным взглядом. – Катерина Генриховна приказала отвести его в одну из нижних камер. И лучше не доставайте парня, неизвестно, что ещё глава рода решит. Не наше дело.

– Старшой, да чего ты паришься? Он же сам под княжича лёг, чего его уважать-то? Видимо, решил привязаться через постель к княжескому роду покрепче и привилегии получать! Шустрый байстрюк, – Угорь продолжил болтать, не стесняясь моего присутствия рядом.

Чего смелый-то такой? Не думаю, что Глебу будет по душе его трёп. А ведь кто-то да доложит. Ведь здесь есть, как минимум, пара свидетелей рядом. Да и в открытое окошко молодой охранник выглядывает. Мы не так далеко остановились, чтобы ему ничего слышно не было. Интересно, отчего Угорь такой смелый-то? Неужели Катерина Генриховна его от хозяйского гнева прикроет? Или всерьёз считает, что высокая стена скроет его выходы от чужих глаз? Насколько мне известно, обычные охранники имеют мало веса среди других воинов рода.

– Не наше дело, – повторил старший в команде и направился в сторону здания. – Вниз его!

– Так точно, – ответил Угорь и вдруг обменялся с напарником непонятым взглядом. Потом добавил: – Хозяйка обещала денег накинута за то, что прочим щенка. Ты со мной?

– Перед тем, как вниз вести, по правилам наказать надо. Пару разочков, – ухмыльнулся тот, нагло и тупо. Его рука лениво потянулась за чёрной дубинкой, что висела на поясе формы. Чем-то она похожа на ту, которой у нас ловко орудуют родные органы правопорядка. Только вот моё чуткое чувство самосохранения нашёптывало, что с этими штуками не всё так просто.

– Не переживай, смазливую мордашу портить не будем. Помнём слегка.

Угорь тоже взял в руки дубинку и, театрально поигрывая, направился ко мне. Я же инстинктивно принял боевую стойку, чуть развернув боком корпус и согнув ноги в коленях. Заметив мои шаги, напарник Угря заржал:

– Ты глянь, похоже, этот щуплый пацан с нами драться собрался!

– Это даже лучше. Соппротивление наказуемо. Нам никто и слова не скажет. Бей его!

Когда Угорь бросился на меня первым, подняв правую руку с дубинкой для удара, я сделал шаг ему навстречу. Двумя руками перехватил руку, занесённую для удара, и сначала дёрнул её к себе и чуть вниз, а затем влево, выворачивая кисть и одновременно ударяя левой ногой под колено его правой. Это позволило мне повалить Угря мордой на землю, вывернуть руку с дубинкой вверх в болевом приёме и прижать коленом между лопаток. Довольно простой и действенный приём классического самбо. Временно вырубив одного из охранников, второго я встретил, взвившись в воздух почти с места. Вертушка и точное попадание в голову. Второй тоже на земле. Я же шустро отскочил на пару метров подальше. Вяжываться в долгое сражение мне не с руки. В своём мире я был не только старше Стаса, но и массы тела было побольше. Опыта рукопашных схваток у меня предостаточно, а вот сил сейчас маловато.

– Ах ты сволочь, – прошипел, с трудом вставая на ноги и потирая пострадавшую руку, Угорь. Он подобрал дубинку. Что-то нажал и разряд молнии засверкал на тёмной поверхности, ослепляя яркостью. Второй охранник, тряся головой, последовал его примеру. – Заряд по полную!

– А если пришибём? Он же только из больницы?

– Он сопротивлялся аресту по приказу хозяйки! Сам виноват!

Что случилось далее, я сам себе не мог потом объяснить. Внутри меня вскипел гнев и словно волна поднялась, отменяя в сторону здравый смысл. Перед глазами были только эти два урода со сверкающими дубинками. В бешеном взгляде Угря читалось желание покалечить, причинить боль. Волна энергии изнутри стремительно поднималась, прорывая шлюзы самоконтроля и... в один миг, как губительное цунами, прорвалась на свободу. Вокруг меня словно закружился мир яркой до рези в глазах ослепительной вспышкой. Я раскинул руки в сторону и закричал. Золотая нить, которая вновь появилась перед глазами, задёргалась, натянулась и дико завибрировала. И в тот же миг я услышал далёкий яростный крик Глеба:

– Стас!!!

Когда я вновь открыл глаза, прошла словно вечность. И... застыл в растерянности. Высокой и крепкой стены ограды больше не было, одни камни валялись в радиусе семи-восьми метров. Оглянувшись назад, понял, что и от здания остались... ну, почти руины. Снесённая черепичная крыша, потрескавшиеся старые стены и выбитые окна с дверью. Сказать, что мои глаза полезли на лоб – это всё равно, что ничего не сказать. От внезапно накатившей слабости я пошатнулся. Вновь оглянулся вокруг и заметил вдалеке парочку неподвижных тел. Похоже, Угрю и его дружку нехило досталось. Если вообще выжили. Впрочем, если сдохли, то туда им и дорога. Я не девочка с розовыми бантиками, чтобы сожалеть о тех, кто собирался по мне дубинками пройти.

Я закрыл на секунду глаза, медленно выдохнул. Когда открыл, то увидел картину маслом, тут же вызвавшую у меня нервный смешок: растрёпанный немного сонный Глеб во вчерашней одежде и Палыч с круглыми как пуговицы глазами.

– А я это... тапочки принёс, – поднял руку с моей позабытой обувкой Палыч и странно спокойным тоном произнёс, рассматривая руины.

– Ага, – растерянно кивнул я. – Самая нужная вещь сейчас.

– Палыч, наведи тут порядок. Его, – Глеб совершенно спокойно отдал распоряжение, словно вокруг не было ничего странного, – я забираю к себе. И пусть только кто попытается руки свои к Стасу протянуть. Порву!

– Я понял, Глеб... Александрович. Всё сделаю! Заодно узнаю, что тут вообще произошло. – Палыч последнюю фразу проворчал себе под нос.

Тапочки приземлились ловко мне под самые ноги. Я вновь почувствовал дикую слабость, но сильные руки Глеба вовремя меня поймали, не дав постыдно свалиться на землю. А потом мы медленно побрели подальше от моего несостоявшегося места ареста. А потом... Моя бедная голова закружилась и, кажется, я нагло вырубился.